

20:34

#Самиразберёмся ⚡

Пашал

Пашал

ЭТО ЧТО??

Кисуня

твой портрет

ЛП

gj ujkjdt

2026

!!!!!!

1.4k

628

Поделиться

Оксана Заугольная

КРУЖЕВНОЕ СЕРДЦЕ

Сами разберёмся!

Оксана Заугольная
Кружевное сердце

Издательство «Детская литература»

2027

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Заугольная О. О.

Кружевное сердце / О. О. Заугольная — Издательство «Детская литература», 2027 — (Сами разберёмся!)

ISBN 978-5-08-007667-1

После развода родителей Мирослава с мамой переезжают из Москвы в маленький городок Корабельный. Мирослава злится на папу, на маму, на этот маленький город, но постепенно понимает, что во всей этой истории больше тайн, чем она могла себе представить, ведь в Корабельном выросла ее мама! Так что же такое тут произошло, раз мама никогда раньше не упоминала об этом месте? Почему все зовут ее маму Птицей, как найти новых друзей, любовь и не потерять себя и свою семью – все это предстоит узнать Мирославе, пока она скручивает тоненькие полоски бумаги и учится квиллингу. Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-007667-1

© Заугольная О. О., 2027
© Издательство «Детская литература», 2027

Содержание

Глава первая,	6
Глава вторая,	12
Глава третья,	16
Глава четвертая,	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Оксана Заугольная

Кружевное сердце

#Самиразберёмся ⚡

Серия «#Самиразберёмся»

Художник *Александра Иоилева*

© Заугольная О. О., 2027

© Иоилева А. А., иллюстрации, 2027

© Макет, оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2027

Глава первая, в которой мы знакомимся с Мирославой, а она знакомится с Городом

За окном гроыхало и лило. Если зажмуриться, то запросто можно представить, что ты находишься в мрачном загадочном замке и с последним ударом молнии распахнется дверь, а на пороге появится...

Кто?

История требовала вампира в плаще или вымокшего до нитки принца, но дальше фантазия буксовала. Мирослава открыла глаза и вздохнула. На небе ни облачка, но подслеповатая соседка сверху вместо цветов поливала их балкон, а что огромный рыжий мужик творил с листьями железа во дворе, девочка и вовсе не хотела знать.

И вокруг был совсем не замок. Обыкновенная двухкомнатная квартира. Старые, но аккуратные обои в цветочек. Старый диван и старый стол. Люстра с плафонами в виде колокольчиков, в одном из которых не хватало лампочки – наверняка отметила не один юбилей. Тут все было старое. Хоть и аккуратное, не поспоришь. Но старое и скучное.

– Мама, а бывает так, чтобы переезд был к лучшему? – спросила Мирослава, отвлекшись от разглядывания луж на балконе. – Вот сразу и хорошо?

– Славушка, тебе тут обязательно понравится, обещаю. – Мама, гладившая тяжелые шторы, перестала улыбаться и отставила утюг. Распахнула объятия. – Иди сюда!

Идти не хотелось. Вообще-то она не младенец лет трех, а взрослая пятнадцатилетняя девушка. И уже сейчас выше мамы на пару сантиметров, а ведь еще растет!

Поэтому Мирослава лишь вздохнула, качнула головой и поднялась с порожка балкона.

– Я чай заварю, – попыталась она смягчить неловкость отказа. Мама ведь так и стояла с раскинутыми руками. Точно крыльями. И стало стыдно. – Тебе с сахаром?

Иногда Мирославе казалось, что мама у нее куда больший ребенок, чем она сама. Чай с сахаром, подпевания песням в телефоне. Смех до слез и горе до слез. Ну чисто ребенок.

Сама Мирослава плакала редко. Даже сейчас. Когда папа остался в Москве, а они переехали в этот... в этот городишко со странным названием. Корабельный.

Вот что такое Корабельный? Тут никакого моря не было. И кораблей не было тоже. Мирослава, конечно, не лазила по всем закоулкам, но корабли ведь большие – их так просто не спрячешь.

Мирослава чуть утешилась, что это все-таки город. В нем несколько школ, а людей... навскидку меньше, чем в ее старом микрорайоне.

Но это лучше, чем в поселке Корабельное, который ей удалось найти в Интернете перед переездом. Вот там жило едва ли два десятка человек. А зная маму, можно не сомневаться, что она могла бы уехать и туда, лишь бы подальше. Мирослава снова вздохнула.

Проблема была в том, что ей в последнее время казалось, что она совсем не знает своих родителей. Мама увезла ее сюда так быстро, словно за ними гнались по пятам. Но правда была в том, что за ними никто не гнался.

– Надо было остаться с папой, – заявила Мирослава новенькому френч-прессу, который у них был теперь вместо любимого пузатого чайника с заклеенной крышечкой и немного отбитым носиком. Мама сказала, что они его не довезут, да и зачем им такой большой чайник на двоих? И пузана в аляпистых красно-зеленых петухах отнесли на свалку. Вот над ним Мирослава плакала. А больше ни над чем. Даже когда папа с мамой подписали все бумаги о разводе и о том, с кем теперь будет жить их единственная дочь. Больше ничего ценного они не нажили, так что развод прошел быстро.

«Какой нетравматичный развод!» – радовалась толстая кудрявая тетка в блузке цвета фуксии. Она должна была представлять интересы Мирославы, но определенно плохо разбиралась и в своей работе, и в детях. Иначе не сказала бы так. Потому что Мирославе казалось, что она рассыпается на кусочки, как ударившийся о дно мусорного бака чайник с петухами. Кусок туда, второй с ручкой – здесь, доньшко отвалилось, а носик распался на две части. Точно так же чувствовала себя Мирослава.

Всю свою жизнь Мирослава прожила недалеко от станции метро «Речной вокзал». В Москве. Ходила в парк смотреть на проплывающие по реке прогулочные катера, знала, когда и куда привозят свежий хлеб и когда скидки на мороженое, зависала с подружками в кафешке через дорогу от парка. Училась в школе, которая была пусть не лучшим местом во вселенной, а вовсе даже злом, но злом знакомым.

Все точно знали, что на математике лучше не сидеть с ярко накрашенными губами, а биологичка никогда не вызывает тех, кто поднимает руку. А здесь? Здесь все будет новым и незнакомым. Другим. Другие друзья. Да и найдет ли их Мирослава?

Она терпеть не могла знакомиться с новыми людьми. И кафе, и кинотеатр, и магазины с незнакомыми продавщицами. Да еще эта дурацкая квартира, так не похожая на ту, что они оставили папе и его новой жене.

Конечно, Юлия еще не была папиной женой, но Мирослава решила привыкать к этому заранее. Меньше разочарований.

Именно поэтому никто не гнался за ними. Именно поэтому она осталась с мамой. Юлия – высокая и тонкая, как манекенщица, но твердая как камень – не собиралась принимать вместе с папой еще и его дочь. Мирослава даже спрашивать не хотела, она видела, что эти красивые зеленые глаза – глаза настоящей драконицы.

– Папа наш, конечно, сокровище, – пробурчала себе под нос Мирослава, разливая свежий крепкий чай по кружкам. – Но как бы драконица его не сжарила. Сожрет и косточки выплюнет, вот так!

Мирослава выложила печенье из пачки на блюдце и выглянула в окно. Гроыхать уже перестало, а лило только на балконе, так что выглядел двор куда лучше, чем из комнаты.

– Мам, чай готов! – крикнула Мирослава и добавила быстро, чтобы не передумать: – Можно я погулять пойду?

– Конечно, спасибо, милая, – откликнулась из комнаты мама. – Возьми ключ от квартиры.

И всё! Никаких «не забудь телефон», «куда поедешь» и «когда вернешься». Ах да, в Корабельном было всего три автобусных маршрута, и лишь один шел за город, что делало его путь достаточно длинным, но и он не занимал больше часа.

Мирослава бухнула сразу четыре ложки сахара, размешала и упрямо принялась пить приторную жидкость.

Из вредности хотелось сесть на тот самый автобус, что шел за город, и уехать в соседний поселок. И телефон забыть дома.

Мечтала об этом Мирослава ровно до тех пор, пока не кончился чай. Нет, она не может так поступить с мамой. Мирослава серьезный человек. Тот, на кого мама может рассчитывать

и надеяться. Папа тоже так говорил, мол, Мира, ты нужна маме. Мирослава, конечно, хотела связываться, что, получается, ему она не нужна. Но не стала. Она же понимающая взрослая дочка. Не спорит вслух, не ругается, не плачет. Та тетка в фуксии ставила ее в пример. А Мирослава просто не знала, хочет ли она быть примером. И потому молчала.

На кухню зашла мама.

– Славущка, обратно пойдешь, купи половинку хлеба, – попросила она и пригладила выбившиеся из хвоста волосы.

Мирослава залюбовалась. Мама у нее красивая. Хорошо, если Мирослава, когда вырастет, будет на нее похожа. Пока не очень понятно было. Волосы тоже светлые и тоже так же пушились, косы не заплетешь – вылезут перышками, а коротко стричься Мирослава зареклась еще в пятом классе – или придется словно одуванчик ходить, или все время всякие пенки и лаки использовать.

– Куплю, – пообещала она. – Я ненадолго.

– Гуляй, Славущка, – махнула рукой мама. – Пока тепло и лето. Знакомься с городом. Потом осень придет, дожди, школа начнется.

Настроение снова испортилось. Вот зачем напоминать! Новые учителя и одноклассники. Мирослава не то что школу, а даже класс никогда в жизни не меняла.

Захотелось вместо прогулки сесть и открыть чат бывшего теперь ее класса или написать подружкам. Но сказала, что погуляет, значит, погуляет. Сядет в парке на скамейке и пожалуется Лере и Кате на то, как здесь уныло. Во, точно! Мама говорила, что здесь есть парк? Там она и посидит!

– Пока, мам. – Мирослава чмокнула маму в щеку, в коридоре натянула босоножки и схватила рюкзачок, куда кинула телефон. Хорошо летом!

Она стукнула дверью, поймав себя на мысли, что дома бы проверила, заперлась ли дверь. Но то дома, в Москве. А дома тут можно и не проверять. Пятиэтажка, пусть и четыре квартиры на лестничной площадке, но, кажется, все друг с другом знакомы. Когда они приехали, сразу вместо грузчиков какие-то соседи вызвались помочь перенести их вещи. В том числе и тот огромный рыжебородый, который стучал у гаражей.

И мама разрешила!

Ладно хоть у них ничего слишком большого с собой не было, только коробки с книгами и одеждой да компьютер. И холодильник. Мама сразу сказала, что там, куда они едут, всё есть.

И теперь вместо удобного компьютерного стола у Мирославы был громоздкий письменный стол, который к нужной стене передвинуть им с мамой удалось только сообща. И кровать была другая, не такая удобная, а мама и вовсе спала на скрипучем диванчике.

Спускаясь вприпрыжку по серым ступенькам, Мирослава размышляла, не стоит ли ей написать отцу. Пусть отправит сюда машину с другими ее вещами. С кроватью, шкафом и белым пушистым ковром!

Словно подслушав ее мысли, в рюкзаке заверещал телефон. Мирослава достала его, глянула на светящийся в полумраке коридора экранчик и нажала «отбой». Фото отца и надпись «папа» пропали. Ну точно, она же не разговаривает с ним. Потому что выбрала маму и Корабельный. И потому что ее не спросили, что она хочет выбрать.

– Ну давай, Корабельный, окажись интересным! – шепнула Мирослава себе под нос, открывая тяжелую подъездную дверь.

Двор был точно таким, каким она его запомнила вчера, пока сторожила коробки у машины. Довольно большой, отделяющийся от соседней улицы двумя рядами гаражей. Край двора занимала детская площадка с песочницей-грибком, двумя качелями и верандой, с другой стороны было разбито несколько клумб и стояли скамейки. Часть скамеек сейчас занимали старушки, а часть – мамы с колясками. Мирослава разочарованно вздохнула – она бы тоже не отказалась приземлиться где-то прямо сейчас и полистать новости в соцсетях.

Но сразу так подвергаться перекрестному допросу она была не готова, а что он будет, даже гадать не надо было, вон как все оживились и на нее смотрят!

На веранде сидели мальчишки и, кажется, одна девчонка – издали показалось, что они примерно ее возраста, но и к ним Мирослава подойти не рискнула. Что она скажет? «Привет, я ваша новая соседка, давайте дружить»?!

Мама наверняка думала, что так примерно и происходит. Но Мирослава в облаках не витала. Неизвестно, что они там еще делают. Может, курят втихаря или что похуже, а тут она такая вся нарисуеться! Ну уж нет. Решила знакомиться с Корабельным, значит, так и будет.

И Мирослава уверенно зашагала к выходу со двора. Прошла мимо гаражей и с трудом не сбилась с шага, а рот открылся сам собой. Так вот что делал рыжебородый! Над дверью одного из гаражей висел искусно вырезанный из жести ворон.

Его раскрытый клюв словно говорил Мирославе: «Ну теперь ты веришь, что Корабельный не пр-рост?»

– Рано еще верить, – проворчала в ответ Мирослава и зашагала быстрее. Один сказочный ворон не изменит ее уверенности, что маленький Корабельный во всем уступает Москве!

Благодаря высаженным вдоль тротуара деревьям улица, на которую она вынырнула из двора, сразу окунала в прохладу, несмотря на палящее летнее солнце. Мирослава попыталась определить, что это за порода деревьев, но толстые темно-серые растрескавшиеся стволы были ни на что не похожи, и она решила, что посмотрит листья позже. Сейчас, когда солнце не давило макушку, идти было легко, и она загадала дойти до конца этой улицы.

Так и шагала, любопытства ради заглядывая в соседние дворы, что прятались между домами, мимо которых она шла. Где-то были площадки поинтереснее, где-то на скамейках сидели старушки в платочках или шляпках. Солнце припекало, и Мирославу не слишком удивляло, что детей постарше младенцев и младше ее ровесников на веранде на улице не было видно. Прячутся от жары. После ужина точно все выбегут на площадку и будет как прошлым вечером – шумно. Вчера Мирослава даже окно в своей комнате захлопнула, а ведь они жили на четвертом этаже!

Прогулка начала доставлять удовольствие. Можно идти, куда ноги несут. И никаких электрических самокатов, вечно чем-то недовольных типов или толп, которым куда-то надо именно сейчас нестись мимо Мирославы.

Сглазила, конечно. Навстречу из какого-то двора вынырнул мальчишка. Симпатичный, светловолосый, но – и Мирослава огорченно вздохнула – даже издали было видно, что сантиметров на пять ее ниже. В общем, не ее типаж совершенно!

Какой ее типаж, Мирослава пока не знала точно. Понятно было лишь только два пункта: выше, чем она, и не как папа. Папа был темноволосый и сероглазый. Очень красивый, даже слишком. Вот на него драконица и позарилась. И высокий. И этим Мирослава пошла в него. Уже переросла маму и не собиралась останавливаться. Одним словом, папа снова не оставил Мирославе выбора – теперь ей нужно было влюбляться только в высоких.

Обо всех этих мыслях, вихрем пролетевших в голове Мирославы, незнакомый мальчишка, разумеется, ничего не знал.

Он присвистнул и покачал головой.

– Ого, какая! – заявил он восхищенно. – Ты откуда взялась? Я тебя не знаю!

Глава вторая, в которой Город знакомится с Мирославой

Мирослава оказалась в затруднительном положении. С одной стороны, ее покорила этот свист.

Папа всегда говорил, что нормальные парни вслед девушкам не свистят. С другой стороны, такое неприкрытое восхищение было приятным. Но вот такое нахальное «я тебя не знаю» – будто он прямо всех в городе знает! Не такой уж Корабельный и маленький!

– Не такой уж ваш Корабельный и маленький! – Последнее она даже произнесла вслух, вызвав еще больший восторг у незнакомца.

– Говорю же, что ты не местная, – ухмыльнулся он. – Я тут всех ребят знаю и почти всех взрослых. У меня память такая, о-го-го! Мама говорит, что мою бы память, да в учебу... Подожди, я сейчас угадаю, кто ты!

Мирослава попятилась. Психов она не любила. В Москве ей встречались такие несколько раз. Начинают разговор как нормальные, а дальше понеслось: нагадают тебе будущее, откроют прошлое или просто вот сейчас ты должна пойти и зажечь свечу. В лучшем случае.

– Ты Птица! – заявил тем временем парень. – Точнее, дочка Птицы, да?

– Чего? – Мирослава оглянулась. Как назло, в жаркий полдень прохожих не было.

– Точно, я по перышкам узнал. – Парень хихикнул. – Меня Саней, кстати, зовут. А тебя?

– Я на улице не знакомлюсь, – задрала нос Мирослава и поскорее обошла парня. Даже шаг ускорила, словно боялась, что он за ней погонится.

– Выпендрейница! – крикнул ей вслед парень совсем не зло. – Передай маме привет от Висли!

«Точно – псих», – испугалась Мирослава и пошла быстрее, почти переходя на бег. Но парень за ней не побежал, когда она оглянулась, аллея была пустой.

Улица упиралась в большую площадь с фонтаном и Домом культуры. Большой она была, конечно, не по московским меркам, но все равно выглядела очень здорово. Фонтан был длинный и огибал центральную вытянутую клумбу словно подкова. Яркие цветы привлекали взгляд и контрастировали с серым аккуратным зданием. И было много свободных скамеек!

Тут Мирослава и уселась. От фонтана долетали мелкие брызги и прохлада. Мирослава достала телефон и проверила сообщения. Было два от отца: «Возьми трубку, Мира» и «Я скажу матери». Мирослава хмыкнула. Пусть говорит, ей не жалко.

Было одно от Леры что-то в духе «Держись, мы тебя не бросим». В чат подружек Мирослава заходить не стала, чего зря расстраиваться? Они планировали вместе пойти кататься на роликах и обсуждали, куда идти после этого – в кафе или в кино. А она могла только читать это. Ролики она взяла с собой, а что толку? Единственное место, где асфальт был подходящим, оказалось на площади, ну и наверняка тут кататься нельзя. Какие-нибудь мамы с колясками или мелкие карапузы гуляют.

Мирослава открыла на телефоне карту города. Высветилась точка – вот здесь она. На площади. Вот где ее дом. За городом начинались сады, до реки было далеко и непонятно, как идти, чтобы не заплутать. Больше интересного она ничего не нашла. Кафетерий в гастрономе и две кафешки с названиями «Плюша» и «Амбассадор». Выбор не ахти.

Кинотеатр был, до него еще надо было дойти. Мирослава привычно попыталась найти сайт кинотеатра, чтобы посмотреть, какие там идут фильмы. Не нашла.

– Мне здесь не нравится, – пробормотала она себе под нос. – Я хочу домой.

– Ты дома, – раздался неожиданно голос рядом с ней.

Мирослава вздрогнула и крепче схватила телефон. Старушка с кульком семечек негромко рассмеялась – словно бусины пересыпались в баночке.

– Не пугайся, Птаха. У нас народ в основном незлой, ты скоро со всеми познакомишься. Хочешь, покормим вместе голубей?

Странно, хоть от неожиданности Мирослава и испугалась, но покормить птиц она хотела. Ей никогда не удавалось раньше это простое в общем-то занятие. То с собой был только вредный птицам хлеб, то птицы словно вымирали, когда Мирослава специально брала на прогулку пшено, то место неподходящее – и ругались уже прохожие, что она приманивает птиц: «Будут гадить тут!»

Но вместо того, чтобы согласиться, она упрямо произнесла:

– Голуби – это крысы с крыльями.

– Крысы, ой, точно крысы. – Старушка совсем не обиделась за голубей. – А все же есть тоже хотят.

И протянула кулек.

– Ну давай, ладошки лодочкой сделай, – скомандовала она. – Я и насыплю семечек.

А Мирослава послушно протянула сложенные ладони, сначала сунув телефон обратно в рюкзак.

И они вдвоем кормили голубей. Обычные сизые голуби, а еще серые, бело-коричневые и коричневые – таких Мирослава не видела в Москве, они налетали на семечки целой кучей, отчаянно хлопали крыльями и дрались.

– Дурашки голодные, – бормотала старушка и выглядела при этом совершенно счастливой.

И Мирослава улыбнулась.

– Меня зовут Мирослава Савина, – представилась она. – Я недавно переехала в Корабельный.

– Анна Витальевна, – представилась бабулька. – Можешь звать меня баба Нюра. Мама твоя меня так и звала.

– Мама? – Мирослава рассыпала семечки. – У меня папина фамилия, откуда вы знаете мою маму?

– Да кто же не знает в Корабельном Ефремову Ксюшу! – Снова перекатались бусинки смеха. И испугавшаяся было Мирослава тоже улыбнулась. Уж больно заразительно смеялась старушка. – Наша звездочка.

Мирослава снова нахмурилась. Она не слишком задумывалась, почему они переехали в Корабельный. Мало ли как это решалось.

Например, подальше от папы. Или тут дешевле было найти жилье, а может, быстрее – работу.

Теперь из-за этого Мирослава почувствовала себя глупой. Как она сразу не догадалась, что Корабельный – не случайность! Получается, мама была отсюда и никогда ничего не говорила об этом? Вот теперь Мирослава всерьез обиделась. Как можно так поступить с родной дочерью?!

Мирослава ничего не знала про детство мамы, точнее, знала совсем немного, слушала она всегда вполуха истории про незнакомых ей одноклассников или веселые походы на речку. И ни разу даже в голову не приходило, что это все могло быть не в Москве, а в другом городе!

Теперь-то она понимала, что папа, например, показывал ей школу, где учился, спортивную площадку, где бегал, когда занимался в спортивной школе. А мама ничего такого не показывала. Рассказывала только.

– Мне домой нужно. – Она все равно рассыпала семечки, так что не страшно и уйти.

– Конечно, конечно! – закивала старушка. Ой, то есть Анна Витальевна.

«Бабой Нюрой» Мирослава ее звать не собиралась. В Москве у нее были бабушка и дедушка Савины. Они редко виделись, ведь оба они продолжали работать и путешествовать, но иногда Мирослава приезжала к ним на целые выходные.

– Привет Ксюше!

Мирослава мотнула головой, что можно было расценивать и как «да ни за что», так и «передам, конечно».

Она очень быстро шагала по аллее, загадав не встретить больше никого. Никаких Саньков, никаких странных старушек, просто дойти до дома!

Жара еще не спала, и у нее были все шансы добежать до дома и наконец как следует расспросить маму, но тут она вспомнила про хлеб. Нужно же купить хлеб!

Снова доставать телефон и смотреть, где находится ближайший хлебный, Мирослава не стала. Просто перешла на другую сторону улицы. Не такую засаженную деревьями и оттого не такую тенистую, но зато идущую вдоль домов, на первых этажах которых сияли витрины и вывески магазинов. Повезло Мирославе уже через три дома. Гастроном. Тот самый, в котором должен быть кафетерий.

Живот негромко буркнул, напомнив, что позавтракала Мирослава плохо и было это уже давно. И она, больше не раздумывая, открыла тяжелую дверь и нырнула в прохладу гастронома. С одной стороны тут же запахло колбасами, и Мирослава повернула в другую. В такую жару даже думать о колбасе было больно.

Хлебный отдел оказался наискосок от того самого кафетерия. Ну как кафетерия. Был прилавок. Большие и какие-то монументальные стеклянные конусы, наполненные разноцветным соком. Витрина, за которой прятались сладости – даже на первый взгляд не было видно любимых Мирославой макароне, зато были разные трубочки, круглые маленькие наполеоны, птичье молоко... Глаза Мирославы, привыкшей к совсем другому ассортименту, разбежались.

Она прикинула, сколько у нее денег на карточке. На что угодно хватит.

– Мне мороженого порцию, коктейль и... – Мирослава закусил губу. Что же выбрать?

– Возьми наполеон, свежий и очень вкусный, – предложила пухлая улыбчивая продавщица.

– Два наполеона с собой, – решила Мирослава. А потом открыв рот смотрела, как продавщица выкладывает аккуратные разноцветные шарики в металлическую креманку и к ней дает металлическую ложку. А потом в большой стеклянный бокал наливает коктейль и сверху присыпает шоколадной стружкой.

– Держи, – протянула угощение продавщица, и Мирослава решила.

– Какой сейчас год? – спросила она жалобно.

Продавщица не удивилась, не рассмеялась и не покрутила у виска.

– Две тысячи двадцать шестой, – спокойно ответила она. – Приятного аппетита.

Ну хоть не сказала, что знает ее маму, или не назвала странно! Смушенная Мирослава заплатила и забрала заказ. Уселась за круглый столик и попробовала коктейль. Захотелось помурчать и не убирать молочные усы, которые она чувствовала над губами. А ведь обычно она пила коктейли через трубочку!

Мороженое тоже было вкусным, не таким, как она думала, цвета явно были просто для виду, и два шарика были ванильные, только коричневый оказался шоколадным.

Настроение Мирославы исправилось. Она аккуратно уложила коробку с пирожными в рюкзак и снова вышла на солнце. Надо было торопиться, если она хотела донести пирожные свежими! Вон какое пекло!

Впереди медленно шел старик. Одет он был удивительно. В такую жару в пиджаке и аккуратных брюках, да еще и шарф на шее. В руке он волок сумку, даже на вид она была тяжелая, а под мышкой торчал свернутый лист ватмана.

Мирослава легко догнала старика.

– Простите... – Она замедлила шаг, стараясь идти вровень с ним. – Можно вам помочь?

И замерла. Мирослава и сама не знала, почему раз за разом продолжала спрашивать. Обычно те, у кого девочка спрашивала, помочь или нет, или ругали ее, требуя не считать их слабыми и старыми, или хватались за свои авоськи так, словно она могла их украсть.

Была еще третья категория, которую Мирослава совсем не хотела вспоминать. Эти требовали. Требовали уступить место, донести вещи, «смотреть вежливо». Да-да! Мирослава так и не поняла, как это.

– Ох, спасибо, внучка! – Старик протянул ей свою сумку и глянул из-под очков с толстыми линзами. – Жара, не ожидал я, что так тяжело будет.

– А мне не сложно, – ответила Мирослава. – Вам далеко?

– Да вон до угла, там поворот у магазина оптики. – Старик даже пошел чуть быстрее.

– Мне там же сворачивать. – Мирослава наморщила лоб, пытаясь вспомнить номер дома. – Адмиральская, пятьдесят!

– Соседи, значит! – еще больше обрадовался старик. – Меня Виктором Алексеевичем зовут.

– Мирослава, – представилась в ответ девушка. На мгновение задумалась, что как-то чудно идет ее знакомство с Корабельным. Кроме странного Санька, которому она даже не назвала своего имени, это были одни старики!

– Красивое имя, – одобрил Виктор Алексеевич. – Кто так назвал?

– Не знаю. – Мирослава пожала плечами и, сама не понимая, что на нее нашло, вывалила на старика все: – Папа зовет Мирой, а мама – Славой. Они и сами развелись, и меня поделили. А мне нравилось, как все было! И имя мое нравится целиком!

Старик крякнул сочувственно и вдруг обрадовался, даже в ладоши хлопнул, едва не уронив ватман, который нес.

– А я еще думал, для кого я такой большой лист раздобыл! Так для тебя, получается, Мирославушка!

Они уже дошли до оптики и свернули во двор, снова прошли мимо гаражей и жестяного ворона, мимо площадки. На веранде было пусто.

– Для меня? – растерянно повторила Мирослава. – Я не понимаю.

Глава третья, в которой Мирослава получает лист

Виктор Алексеевич жил в том же подъезде, где поселились Мирослава с мамой, но на втором этаже, а они на четвертом.

– Я тебе все объясню. – Старик потер ладони. – Зайдем ко мне, я отдам тебе лист и расскажу, что с ним делать. И чаем напою. Сушки тоже не зря купил, ай да я! Ведь не ем их обычно.

Мирослава смутилась почти до слез.

С одной стороны, родители строго-настрого запрещали ходить с незнакомыми людьми. Хоть куда, и уж тем более к ним домой! С другой стороны, старик выглядел таким безобидным и едва ли был ростом с саму Мирославу. А если вспомнить, что в школе твердили учителя, то выходило так, что даже куда более безобидные на вид дети и женщины могли завести куда-то, где поджидает какой-нибудь маньяк. Но обижать Виктора Алексеевича не хотелось. Он так радовался!

Спасло от метаний Мирославу то, что она вспомнила про лежащие в рюкзаке наполеоны.

– Извините, Виктор Алексеевич, – пролепетала она. – Я пирожные купила маме, она меня ждет.

Старик расстроился. Вздохнул тяжело, сгорбился.

– Ты спроси у мамы тогда, можно ли ко мне прийти, – попросил он, сразу раскусив все ее тревоги. – Лист для тебя раздобыл, так ей и скажи. И сушки купил. Может, позволит.

Мирославе было немного не по себе от этой печали почти незнакомого старика и такой осязаемой надежды, которой, казалось, не суждено сбыться, и она поспешила поставить его сумку у двери в квартиру, а сама побежала домой. Ступеньки только мелькали под босоножками.

Вот и дверь в квартиру. Мирослава собралась поискать ключи, но вспомнила, что не закрывала. Толкнула – и дверь открылась.

– Славушка, вернулась? – Мама выглянула из кухни, вытирая руки.

– Я пирожные принесла. – Мирослава вытащила коробочку. – Наполеон.

Мама заглянула в коробку и всплеснула руками.

– Мои любимые! – призналась она. – По какому поводу праздник?

– Я хлеб не купила, – невпопад вспомнила Мирослава. – И я очень на тебя злюсь.

– Справедливо, – согласилась мама. – Такое точно стоит заесть пирожными. Я чайник поставлю, неси пирожные на кухню!

– А хлеб как же? – спросила Мирослава, удивленная маминой реакцией. Она что, ее не услышала совсем? И не переживает, что дочь злится?

– Сегодня, значит, сварим пельмени, ты не против? – с кухни откликнулась мама. – Их как раз едят без хлеба. Но сначала чай с пирожными!

Мирослава только головой покачала. Заколдовали ее маму, что ли? А как же всегда правильное и полезное питание и десерт только после обеда? Впрочем, колдовство было довольно приятное.

Мирослава сняла босоножки и пошла мыть руки. Когда она оказалась на кухне, мама разливала чай, наполеоны были разложены по красивым блюдечкам из синего сервиза с золотой узорной каемкой. Мирослава сразу заприметила его в стенном шкафу, когда они приехали. У них дома таких сервизов не водилось, а вот у Мирославиной подружки Кати был такой. Он всегда стоял за стеклом, в верхних кружках часто хранили какую-то мелочовку. Считалось, что такие сервизы на особый случай, но случаи обычно никак не происходили и не происходили.

Мама что же, не знает, что такой сервиз нельзя просто так использовать? Да он даже выглядел дорого!

– Пей чай. – Мама нарезала лимон, который брызнул солнечными каплями в стороны, взяла тоненький блестящий ломтик и опустила в свою чашку. – В этих чашках даже чай без сахара вкуснее, попробуй!

Вообще-то Мирослава часто пила чай с сахаром. Папа говорил, что глюкоза нужна ей для работы мозга. Но сейчас было лето, мозг отдыхал, да и папы рядом не было. Мирослава неожиданно так остро почувствовала тоску по отцу, такому уверенному и во всем разбирающемуся, что хотелось схватить телефон и немедленно позвонить. Или написать. И сказать, что она сделает что угодно, будет учиться на пятерки и убирать свою комнату, только пусть папа бросит свою зеленоглазую драконицу и вернется к ним. К ней и к маме.

Вместо этого она вцепилась в чашку, в которую мама не пожалела целый кружок лимона. Отпила. И правда вкусно! Наполеон оказался свежим, как и обещала продавщица.

– Мои любимые пирожные, – повторила мама, отправляя ложечку с лакомством в рот. Она расплылась в улыбке. – Тот же самый вкус!

– Я понятия не имела, что ты любишь наполеон, – заметила Мирослава, снова раздражаясь. Как можно жить столько лет рядом с человеком, который называет себя твоей матерью, и ничего не знать о нем?

– Ты не спрашивала. – Мама отломил еще кусочек и снова счастливо улыбнулась. Волосы ее растрепались и торчали словно лепестки одуванчика. И ругаться расхотелось. – Да и я не находила в Москве такого наполеона. Сама же я его готовить не умею.

Мирослава отломил кусочек своего пирожного и снова отпила чай. Да, неплохо. Пожалуй, мама права: ей такой торт тоже не попадался в Москве. Обычно он был или сладкий и слишком пропитанный – коржи совсем не чувствовались, или наоборот – коржи слоеные были жесткие и между ними масляный крем. Здесь же тесто едва заметно лопалось на языке с легким хрустом, а крем напоминал по вкусу подтаявшее мороженое. Наверное, стоит почаще ходить в этот кафетерий, вон как мама рада!

– Вот теперь я готова. – Мама с явным сожалением отставила блюдце, на котором оставалось еще не меньше трети пирожного, и улыбнулась Мирославе. – Давай, Славушка, рассказывай, почему ты злишься.

Мирослава растерялась. Нет, она вовсе не забыла, что хотела спросить, но настроение было уже не то. Как ругаться после такого чаепития? Ох, мама, все предусмотрела!

– Меня пригласил пить чай с сушками сосед со второго этажа, – вспомнила она. – Сказал, что у него для меня есть лист. Ватмана.

Она уточнила, какой именно лист, на всякий случай, сообразив, как бредово звучит ее фраза.

– Виктор Алексеевич! – Мирославе хотелось потерять глаза, но она и правда это видела – мама просто подпрыгнула на стуле! А потом вдруг сгорбилась и схватила чашку обеими руками. – Как я рада, что он еще жив! Как он выглядит?

– Нормально, – растерялась Мирослава. – Ну старенький он... Я зря не согласилась?

– Всё правильно, он поймет, – пообещала мама. – Он... он в моей школе работал учителем. Но всех желающих учил еще и дома. Да... Только у него каждые лет пять увлечения менялись. И если я ходила вся в клее и шерстяных нитках – мы делали с ним и моей подругой Вис л ей мохнатые коллажи, – то через несколько лет ребятня вытаскивала из волос стружку, зато показывала деревянные фигурки. Мне даже интересно, что достанется тебе!

– Висля! – ахнула Мирослава, не обратив внимания на паузы в мамином рассказе. – Мне тут один мальчик передал тебе привет от Висли.

Теперь Мирослава вспомнила, как грубо разговаривала с Саньком, и ей стало стыдно. И снова разозлилась. Это мама виновата, что она попала в глупое положение!

– Мама, почему ты никогда не рассказывала, что это твой родной город, что тут твои друзья и... и твоя школа?! Я сегодня несколько раз чувствовала себя ужасно глупо.

Мамино лицо потемнело. Или солнце зашло за облако, а мама просто сидела у окна, от которого падал свет? Поди пойми это.

– Я же рассказы... – начала она и сама прервала себя. – Прости, Славушка. Не думала, что мы переедем сюда, а когда уже поехали, было слишком много всего, чтобы вспомнить. Ты спрашивай, если что-то интересно, я постараюсь рассказать. У меня с Корабельным длинная и непростая история. Ну и до школы я точно узнаю, кто там у вас остался из моих учителей, так что неподготовленной не пойдешь.

– Ладно. – Мирослава чувствовала, что вопросы пока роятся так бездумно, что выхватить один не легко. – И кто такая Висля?

– Света Вислякова. – Мама снова подтянула к себе блюдо с остатками наполеона. Не удержалась. – Моя лучшая подружка еще с детского сада, а потом и в школе. Но у нас в классе училось аж четыре Светы, так что моя подружка сразу стала Вислей. Не знаю, поменяла ли она фамилию после замужества, но я уверена, что Вислей она для всех наших одноклассников так и осталась.

– А почему ты не знаешь, поменяла ли она фамилию? – мгновенно вцепилась в это Мирослава. – Разве вы не общались? Мама, ты извини, но ты не настолько древний динозавр, уж телефоны в твоей юности точно были, а потом и Интернет появился.

– Были телефоны, почта, а потом и Интернет, – послушно согласилась мама. – Но так вышло, что я уехала.

– Уехала, – повторила Мирослава. Такое ощущение, что мама вкладывала в это слово что-то другое. Что-то похожее на «у меня случилась амнезия» или даже «я умерла». Но мама сидела немного грустновиноватая, со следами легкой улыбки и крошек наполеона на губах. И совершенно точно она была живой. – Я не понимаю.

– А хочешь, вместе пойдем к Виктору Алексеевичу? – Мама вскочила, отчего стул, на котором она сидела, не удержался на ножках и упал. – Ой! А то у него там сушки!

Мирослава могла сказать «какие сушки после пирожных!» или «и что с этими сушками сделается?» и даже «а как же пельмени?», но все это она привычно проговорила в голове, сложила снова в целый ворох фраз, которые не пригодятся, и вздохнула.

– Ну пойдем.

Мама снова разулыбалась и бросилась в комнату – переодеваться. А Мирослава открыла лежащий рядом с древним стационарным телефоном потрепанный справочник. Висляковых она нашла быстро. Сравнила по карте в своем мобильнике улицу с тем местом, где встретила Санька, – подходило.

Мирослава не знала, что на нее нашло. Никогда она так не поступала. Но, с трудом разобравшись, как поворачивать диск телефона, – хорошо, что еще можно найти в Интернете и такую информацию! – набрала номер Висляковых.

– Алло! – раздался женский голос и сразу же добавил с такой надеждой, что Мирослава чуть не бросила трубку: – Птица?

– Нет, кхм. – Мирослава кашлянула. – Са... Саша по этому адресу проживает?

– Да. – Трубка некоторое время молчала. – У тебя голос очень похож на ее. Ты ее дочка?

Ох, не стоило звонить по древнему телефону! Люди, которые пользуются такой связью, ничегошеньки не смыслят в личных границах! Но Мирослава трубку не положила.

– Скажите Саше, что меня зовут Мирослава, – попросила она. – Простите, но я сейчас не могу больше говорить.

И она наконец бросила трубку. Уфф!

– Идем? – Мама вышла в коридор.

Мирослава задумалась, слышала ли она ее разговор по телефону? Хорошо бы нет.

– Идем, – согласилась она. – А это что?

– Конфеты. – Мама спрятала кулек за спину. – Виктор Алексеевич любил «Морские».

– Мама... – Мирослава досчитала мысленно до десяти. Она полагала, что это должно ее немного успокоить, но на самом деле она только сильнее разозлилась. – Ты и так собиралась к нему идти!

– Ну, может, завтра. Или послезавтра, после первого дня на работе. – Мама легкомысленно пожала плечами. – Но сегодня только лучше.

И Мирослава успокоилась. Точно! Вот что она спросит следующим! У мамы новая работа в музыкальной школе. Нет, тут все было не так таинственно. Мирослава знала, что мама музыкант. У нее была целая кipa нот и нотных книг, а еще флейта. Мирослава даже помнила, что в детстве мама не пела ей колыбельных, а играла их на флейте. А потом перестала. Но чего Мирослава не понимала, так это как можно пойти работать в музыкальную школу, когда она не занималась столько лет, а в Москве работала бухгалтером. Если уж что Мирослава и знала про музыку, так это то, что ею нужно все время заниматься. Самой ей в музыкальную школу ходить вовсе не хотелось, она и не ходила. Лера столько стонала по поводу сольфеджио, что Мирослава каждый раз радовалась, что ее это миновало.

Виктор Алексеевич открыл дверь так быстро, что Мирослава заподозрила, что он поджидал их в коридоре. Или умел телепортироваться. За этот день Мирослава поняла, что уже ни в чем не может быть уверена.

– Ксюша!.. – обрадовался он и даже за сердце схватился. Ну ничего себе, как разволновался! – Спасибо, Мирославушка, что привела и маму тоже! Она бы еще долго кружила, прежде чем зайти к старику.

– Неправда, я бы пришла раньше, – вяло отбивалась мама. – Или вы могли бы зайти.

Она вышла из квартиры в тапочках, поэтому сразу прошла в большую комнату, и снявшая босоножки Мирослава последовала за ней. У дивана стоял столик, на котором была вазочка с сушками и заварочный чайник.

– Мирослава, тебе большую кружку? – спросил Виктор Алексеевич.

Мирослава замерла в нерешительности. Все шкафы были заставлены какими-то фигурками и фотографиями, а стены завешаны картинами и рисунками.

Ей бы осмотреться, да вот и ватман, свернутый в рулон, точно ждал ее. Виктор Алексеевич понимающе кивнул.

– Если не хочешь пить чай, можешь пока начать работать с листом. Птица, возьми себе кружку сама. Пожалуйста.

Голос его дрогнул, но мама только кивнула и исчезла на кухне, а Виктор Алексеевич очень торжественно вручил Мирославе ватман и целую банку с ручками и карандашами.

– А что делать? – испугалась Мирослава.

– Настоящий художник не любит белого листа! Запомни, Мирослава, не «боится», а не любит! – поднял палец Виктор Алексеевич. Он оглянулся на дверь кухни, глаза его сделались грустными, как у потерявшегося щенка, но он тряхнул головой и продолжил: – Так что пиши, рисуй, что в голову взбредет. Неважно что. Это все потом скроет квиллинг. Можешь сесть тут или за стол на кухне.

– Я не художник, – запротестовала Мирослава. – Я даже рисовать не умею!

– Твоя мама тоже не умеет, – отмахнулся Виктор Алексеевич. – Но она рисует музыкой. Так что тоже художник. Главное – найти свое. Но мы встретились именно сейчас, значит, тебе точно понравится квиллинг. Я уверен!

Мирослава спорить не стала. Забрала лист и ушла на кухню. Они едва разминулись с мамой, которая несла кружки. Мирослава раскатала большой плотный лист и придавила в уголках стаканами. Лист был плотный и чуть шершавый. Писать на таком было вовсе не страшно.

«Уверен он! – пробормотала себе под нос Мирослава, устраиваясь поудобнее на табуретке. Из комнаты раздавался мамин неестественно звонкий смех и смех-кашель хозяина квартиры. – Все во всем уверены. Кроме меня».

И она вывела первую фразу: «Почему все знают, что нужно мне?»

А потом и вторую: «Где пельмени?»

Глава четвертая, в которой Мирослава узнаёт про скроллы

– Не устала, Мирославушка? – Виктор Алексеевич протянул кружку с чаем. – Передохни, чайку попей! Птица вон давно уже упорхнула. Бормотала что-то про хлеб, но ты не верь, она точно за пирожными побежала!

Он грустно улыбнулся и покачал головой. Странно так, вроде бы они с мамой хорошо поговорили, чего же он выглядел таким печальным? Нет, Мирослава никогда не поймет этих взрослых!

– Почему вы мою маму «птицей» зовете? – спросила Мирослава, но кружку взяла.

Потом посмотрела на полученный лист ватмана и покраснела. Ох и разошлась она! Все вопросы вывалила на бумагу, все, что говорить не говорила, только думала! Но про пельмени прямо по центру! Большими буквами. Голодная она, что ли?

– Пойдем, там сушки остались, – позвал Виктор Алексеевич. – А зову так, потому что привык. Ты вон хитрая какая, волосы носишь длинные да в хвост приглаживаешь, а все равно торчат, пушатся. Вот и у мамы твоей всегда так было, в детстве ее мама ей косы плела, а как

подросла Ксюша, так и постриглась коротко. Во все стороны перышки торчали, нос любопытный всюду совала, на веранде или на перилах сидела как на жердочке да руками махала как крыльями, ну ровно птица. Так и прозвали.

Мирослава отхлебнула чая и наморщила нос. Что-то царапнуло ее в словах Виктора Алексеевича. Нет, дело было вовсе не в том, что она не представляла себе маму, сидящую на перилах. Мирославе же не пять лет, и она понимала, что мама тоже была ребенком. А потом она еще раз попыталась мысленно повторить его слова и поняла.

– Ее мама... косы заплетала... Моя бабушка... – Мирослава уставилась в кружку, где отражались ее удивленные глаза. – А где она? Я ничего о ней не знаю!

Виктор Алексеевич помрачнел. Сам схватился за свою кружку.

– Не мое это дело, Мирославушка, тебе рассказывать, – вздохнул он. – Какая ты непростая девчушка! Сразу с тяжелых вопросов начинаешь.

– Я не знаю, какие вопросы тяжелые, – возразила Мирослава. – Я же ничего о Корабельном не знаю! И обо всех, кто тут живет! Меня на улице узнают, а я ничего до прошлой недели об этом городе не слышала. Почему так?

Она не ждала ответа и сама догадалась, что об этом ей маму спрашивать надо, но Виктор Алексеевич пожевал задумчиво губу и очень тихо произнес:

– Обидели мы все Птицу сильно, вот и улетела. Сейчас не дави на нее, Мирославушка, умоляю. Чтобы снова не улетела. Как пригрется и приживется, она сама тебе все расскажет. И про родителей. Особо про них пока не спрашивай.

И пока Мирослава пыталась сложить эту загадку, Виктор Алексеевич отодвинул кружку и преувеличенно бодро добавил:

– Ну что, Мирославушка, ты готова сейчас начать знакомиться с квиллингом?

Мирослава глянула на свой фитнес-браслет. До ужина еще было время.

– Давайте, если недолго, – согласилась она.

Конечно, она уже нашла в Интернете и квиллинг, и картины, которые делались в этой технике, и даже где раздобыть тонкие длинные полоски и инструменты. Кто бы подумал, что даже вертеть пружинки надо с инструментами!

– А мы сегодня только самое простое разберем! – обрадовался Виктор Алексеевич. – Что такое квиллинг – ты уже узнала, конечно?

И он кивнул на лежащий рядом с Мирославой мобильник. Да, она машинально его таскала с собой из комнаты в комнату, даже не замечая этого!

– Узнала. – Мирослава наморщила лоб, пытаясь припомнить формулировку. – Бумагокручение, сворачивание узких полосок в рулончики. Пришло к нам из Кореи. Можно делать панно и...

– И что угодно! – прервал ее Виктор Алексеевич. – Мирославушка, из бумаги можно сделать что угодно, поверь мне, я разбираюсь! Но начнем мы со скроллов.

– Со скро-оллов... – зачарованно протянула Мирослава, рука ее сама дернулась к телефону.

– Я тебе расскажу, – ласково, но твердо остановил ее Виктор Алексеевич. – Это просто. Вот ты сама говоришь, «рулончики». Рулончики бывают разной формы, а еще они бывают закрытые – заклеенные так, чтобы уже никак не раздвинулись, легли нужной формой...

– Это скроллы? – поторопилась Мирослава.

– Это роллы. – Виктор Алексеевич кивнул на ее бурчание живота. – Про японскую кухню вспомнила? Ну да, они родственники по названию, ничего удивительного. На суши не налегай, мама небось ужином накормит. А скроллы интереснее, хоть и сложнее. Они в общем похожи на роллы, за одним исключением – краешек не заклеивается. Что тогда получится?

В по-старчески тонких, но ловких пальцах красная бумажная ленточка так быстро сворачивалась, что Мирослава поняла – в этом нет ничего сложного. Скатываешь рулетики и скла-

дываешь в картинку. И со скроллами она тоже все поняла еще до того, как Виктор Алексеевич положил рулетик, такой плотный и четкий, и тот отпружинился, развернулся на пол-листа.

– Скролл ограничивается роллами, – с ноткой превосходства произнесла она. Естественно, она же сразу догадалась! Скажет тоже, загадка!

– Как в жизни, да, Мирославушка? – совсем не расстроился Виктор Алексеевич и подмигнул. – Правильные и серьезные люди не позволяют выбиться из четкой формы тем, кто ничем другим не ограничен.

– И это правильно, разве нет? – Мирославе давно хотелось коснуться этой красной ленточки, и она уступила своему желанию. Да уж, из обычного тетрадного листочка такое не скатаешь! Ленточка была упругая и твердая. – Так получается красивая фигура, а сам по себе скролл просто разметался бы по листу – ни себе, ни людям!

Мирослава разволновалась, резко сдула вылезшие из хвоста волосы с лица. Ей редко приходилось вот так выражать свое мнение со взрослыми. Да и с кем? Мама то уставшая, то задумчивая и грустная, а когда не то и не другое, не такая уж и взрослая. Смеется или плачет как ребенок. Как с ней разговаривать? Вот папа взрослый. Он всегда знает, как правильно. Или знал. Мирослава больше не уверена в этом, ведь не могло же быть правильно то, что он оставил их и ушел к своей драконице?

– Ты умница, Мирославушка, – ласково улыбнулся ей Виктор Алексеевич. – Схватываешь на лету. А теперь беги, пока не остыл у тебя дома ужин. И обязательно приходи завтра, ладно? Лучше с утра.

Старческий сон недолог, я уже часов с восьми буду свободен от домашних дел и буду тебя ждать.

Мирослава хотела было сказать, что каникулы же, какие восемь утра! Но промолчала и только кивнула.

– Я приду, – добавила она вслух. – Обязательно!

Нехотя она оставила лист в доме соседа. Не хотелось, ведь на нем было столько мыслей! Ее мыслей. Лист стал совсем-совсем ее. Но домой нести его смысла не было: завтра она будет крутить роллы и скроллы и клеить на лист. Виктор Алексеевич пообещал все для этого приготовить.

Дома пахло магазинными пельменями. В другой раз Мирослава бы расстроилась – она любила, когда мама готовила сама, но живот снова забурчал, и она, наскоро помыв руки, бросилась на кухню. Мама сидела там же и вязала. Мирослава так удивилась, что застыла у дверей.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Вяжу. – Спицы мелькали в руках так быстро, словно мама занималась этим всю жизнь. – Пока не знаю, что получится. Может, шапочка, а может, шарф.

Она подняла пестрое вязание и скептически оглядела его.

– Шарфик получится из чего угодно, – оптимистично добавила она.

– Я не об этом, мам. – Мирослава села и развернула полотенце, в котором пряталась тарелка с теплыми пельменями. – Ты умеешь вязать?

– Ну да, – рассеянно произнесла мама. – Хочешь, научу? Виктор Алексеевич нас учил делать коллажи из обрезков шерстяных ниток, а когда покупаешь нитки, спицы просто сами прыгают в руки. Ну я посмотрела несколько уроков и начала вязать.

– Ни разу не видела, чтобы ты вязала, вот и удивилась, – пояснила Мирослава через несколько минут энергичной работы челюстями. – А что за уроки? Онлайн?

Мама тихонько рассмеялась. Получилось так мягко, совсем не как бусинки Анны... Анны... Мирослава забыла отчество. Ладно, бабы Нюры. Мама смеялась иначе. Легко и так заразительно, что и сама Мирослава улыбнулась.

– Славушка, в моем детстве не было Интернета, – пояснила мама, отсмеявшись. На глазах ее выступили слезы – мама оттого редко красила ресницы. Водостойкая тушь ей не нравилась,

а любая другая не выдерживала испытания смехом. Так и ходила с аккуратно покрашенными губами и довольно светлыми, «под цвет светло-русых волос», ресницами. – Я по книгам из библиотеки училась. В общем, если захочешь, тебя тоже научу. В Москве мне вязать было некогда, да и зачем – все можно купить.

– Ты так говоришь, будто здесь нельзя. – Мирослава снова испугалась так же, как когда спрашивала продавщицу, какой сейчас год. Что, если здесь нет доставки и придется ограничиться тем, что она привезла с собой? – Нельзя?

– Можно, – успокоила ее мама и добавила загадочно: – Но можно и вязать. Что угодно теперь можно.

– Мама... – Мирослава налила чай себе и маме, кинула по ломтику солнечного лимона, досадуя, что не взяла еще какого-нибудь печенья или пирожных в кафетерии. – Почему ты никогда не рассказывала про Корабельный?

Мирослава не собиралась выдавать Виктора Алексеевича и спрашивать, как обидели маму жители города, но попытаться узнать хоть что-то она была должна.

Мама чуть помрачнела и принялась увлеченно болтать ложечкой в красивой синей чашке, хотя так и не положила сахар.

– Плохие воспоминания, – наконец произнесла она, когда Мирослава уже перестала ждать ответа. – Мне не хотелось их ворошить.

– А сейчас? – Мирослава больно прикусила язык, чтобы не спросить, зачем было тогда сюда возвращаться. Они могли остаться в Москве. Папа бы точно уступил им квартиру, Мирослава знала – он предлагал. Но нет, теперь она хотела сначала разгадать загадки этого города. Почему мама – Птица и как ее тут обидели? Что случилось с бабушкой и дедушкой, почему мама не вспоминала о городе так долго? Как минимум пятнадцать лет – всю жизнь Мирославы!

– А сейчас я поняла, что под горсткой плохих воспоминаний похоронила целую грудку хороших. – Мама выглядела печальной, но все равно улыбалась. А Мирославе хотелось ее обнять, прижать к себе и перестать спрашивать.

Папа говорил, что мама его воробушек. Маленький и нежный. И ее надо защищать. Он так говорил, а потом взял и ушел. И папин воробушек остался Мирославе. И она теперь должна была защищать маму вместо папы. Это было тяжело представить даже в мыслях, не то что делать! И Мирослава просто не могла перестать думать, от чего именно она должна ее защищать! Что, если папа увез ее из Корабельного от какой-то опасности? Ведь мама уехала отсюда с ним?

– Ты уехала отсюда с папой? – осторожно уточнила Мирослава, чувствуя, как ступает на тонкий лед.

– Я уехала отсюда, а теперь вернулась, – ушла от ответа мама, а потом и вовсе сбежала – схватила пустые чашки и направилась их мыть, будто они не могли постоять еще три минуты.

– Понятно, – пробормотала себе под нос Мирослава и предложила наудачу: – Посмотрим телевизор?

Вообще-то телевизор она дома смотрела только по праздникам, когда шла специальная программа. Глупо как-то ждать, что покажут интересное, если в Интернете можно выбрать самой! Но... может, это как с шарфом? Легко, конечно, купить, а можно и связать.

– Давай, – обрадовалась мама. – Посмотри по программе, что там хорошего!

Хорошего оказалось не слишком много, прямо скажем, ничего. Но Мирослава решила, что вдвоем они могут посмотреть и ужастик.

Мама то и дело ойкала и убегала на кухню за чаем, словно это она была маленькая, а Мирослава думала, что перед сном нужно убедиться, что они закрыли дверь. И балконную тоже. А лучше и вовсе переночевать в комнате с мамой. Ну просто чтоб ей было не страшно.

– Да, а то вдруг я буду плохо спать после такого! – немедленно согласилась с ее осторожным предложением мама. – Тащи подушку и одеяло, а я пока разберу диван.

Засыпая рядом с мамой, Мирослава вспоминала, как иногда приходила ночью к родителям, если приснится что-то плохое или страшное. Подкатывалась под бочок маме или забиралась между родителями, слушая спокойное убаюкивающее дыхание с обеих сторон.

Как давно это было! И как почему-то этого не хватало.

С этими мыслями Мирослава наконец уснула.

На удивление, ей снились вовсе не страхолюдины из фильма, а роллы и скроллы. Аккуратные роллы со всех сторон окружали скроллы, заставляя его поджиматься и становиться таким же, как они сами. Но все равно чуть больше и свободнее, он словно говорил им всем, мол, вы можете делать что хотите, но лишь потеряете бдительность – я вырвусь! А Мирослава, пытавшаяся создать красивый узор, почему-то болела за него, хотя и ежу понятно, что нужно болеть за аккуратные и правильные роллы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.